

ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ-2016

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ
«ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ-2016»,
ПОСВЯЩЁННОЙ ГОДУ ОБРАЗОВАНИЯ
В СОДРУЖЕСТВЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

КРАСНОЯРСК, СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

15-25 АПРЕЛЯ 2016 Г.

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Сборник материалов
Международной конференции студентов,
аспирантов и молодых учёных
«Перспектив Свободный-2016»,
посвящённой Году образования
в Содружестве Независимых Государств

Красноярск, Сибирский федеральный университет, 15-25 апреля 2016 г.

Красноярск, 2016

ПЕРСПЕКТИВ СВОБОДНЫЙ-2016

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

Красноярск, Сибирский федеральный университет, 15-25 апреля 2016 г.

«Проблемы культуры речи и экологии языка»

**ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАКАТА КПРФ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ 2006-2015 ГГ.
В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ)**

Акулов В.В.

научный руководитель канд. филол. наук Подберезкина Л.З.

Сибирский федеральный университет

Предвыборная агитация является важным средством политического влияния.

Государство и государственная власть принадлежат партии победившей на выборах. Партия формирует политику, которую осуществляет государство, в результате завоевания власти. Целью любой партии является захват или удержание государственной власти^[1].

Нормы политического взаимодействия определяют метод и стиль работы различных государственных органов, закрепляют соответствующие роли участников процесса как внутри страны, так и за ее пределами. Правила функционирования разрабатываются для успешной реализации стратегии и тактики партии власти. Развитие политических технологий позволяет добиваться поставленных целей ненасильственным методом.

Разработка и реализация подобных задач входит в сферу политического консалтинга. Избирательные технологии включают в себя планирование и прогнозирование хода предвыборных кампаний. Формирование стратегии и набор методов политической борьбы корректируется одновременно с изменением общественного мнения.

В наше время информационно-коммуникативные процессы между властью и обществом играют важнейшую роль. Распространение идей на большую часть целевой аудитории происходит при помощи различных средств пропаганды, политического пиара и рекламы. Активное использование плакатов во время проведения предвыборных и избирательных компаний обуславливает актуальность нашей работы.

Материалом для исследования послужили предвыборные плакаты избирательных кампаний 2006-2015 гг. (3 плаката), которые были предоставлены Красноярским краевым отделением коммунистической партии Российской Федерации.

Партия КПРФ образована на II чрезвычайном съезде коммунистов России в 1993 году. За годы функционирования, был сформирован собственный имидж, способствующий узнаванию среди широких масс. Будучи оппозиционной партией левого толка, КПРФ имеет четкую и понятную идеологическую платформу. Основная стратегическая цель – построение в России обновленного социализма, общественного строя способного решить задачи, стоящие не только перед нацией, но и перед человечеством. С другой стороны, программные документы и работы лидеров партии затрагивают проблему противостояния «нового мирового порядка» и русского народа^[2]. Умеренная национал-патриотическая позиция с основным лозунгом «державность, народовластие, равноправие, духовность и справедливость». Сегодня большинство избирателей воспринимает КПРФ как партию прошлого из-за использования имиджа советской эпохи, не рассматривая иных особенностей реализации данной стратегии в современной политической среде.

Разнообразие форм коммуникации подразумевает наличие жанрово организованной речи. Изучением речевых жанров, описанием их характерных признаков и особенностями функционирования занимались многие ученые — М.М. Бахтин, Т.В. Шмелева, М.Ю. Федосюк, А. Вежбицкая, В.В. Дементьева и другие.

Речевой жанр – относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания.

Анализ жанра политического плаката проводится нами в аспекте жанровых признаков, выделенных Т.В. Шмелевой: коммуникативная цель, образ автора и адресата, образ прошлого и будущего, событийное содержание и языковое воплощение. Исследователь выделяет коммуникативную цель как главнейший и наиболее значимый типологический признак, противопоставляющий четыре типа речевого жанра: информативные, императивные, этикетные и оценочные. Реализация языкового воплощения рассматривается с точки зрения содержания информации (когнитивная, эмоциональная и эстетическая) и средств ее выражения (лексический уровень, грамматический строй)^[3].

Выявляя специфику плаката, С.Ф. Лисовский отмечает преобладание эмоциональных методов воздействия над рациональными и рассматривает зрительный образ в качестве основы жанра^[4]. Специалисты по политическому маркетингу предъявляют к плакату следующие требования: 1) плакат должен поражать, 2) композиционно выстроен, 3) динамичен, 4) быстро читаем, 5) корректно оформлен для восприятия на расстоянии, 6) общедоступен и понятен. Данный набор характеристик политического плаката обусловлен тенденцией к предпочтению визуальных источников информации.

Для краевых предвыборных кампаний характерно использование плакатов, презентующих образ кандидата. Пример изображен на рисунке 1.

Рис. 1

Список литературы

1. Политические партии и партийные системы[электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kulturoznanie.ru/politology/ponyatie-politicheskoy-partii/>
2. Зюганов Г. А. Кадры партии в действии. — М.: ИТРК, 2001. — с. 11.
3. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С.88-98.
4. Контактные формы политической рекламы[электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text7/05.htm>

НАРУШЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ЯСНОСТИ ТЕКСТА ПРИ ВОСПРИЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ

Булатова К.А.

научный руководитель д-р филол. наук, проф. Гармаева В.И.

Сибирский федеральный университет

Коммуникативная ясность является одним из основных коммуникативных качеств речи. Ясность, ее составляющие и средства достижения исследовались многими поколениями ученых. Аристотель был первым, кто считал ясность ключевым качеством речи. Он утверждал, что неясная речь не сможет «достичь своей цели», то есть быть правильно воспринятой адресатом речи (Меликова-Толстая, 1936, с. 177). Коммуникативная ясность речи характеризуется именно с точки зрения восприятия данной речи адресатом, которого Аристотель назвал «конечной целью всего».

В современной науке нет единого определения коммуникативной ясности речи. Некоторые ученые не выделяют такого качества вообще (Б.Н. Головин, О.Б. Сиротинина). Ряд других ученых придерживается иной позиции, называя ясность речи в числе основных коммуникативных качеств (М.Н. Кожина, Т.В. Матвеева, А.А. Волков, Б.С. Мучник и др.). По нашему мнению, ясность речи нельзя исключить из списка коммуникативных качеств и требование от речи ясности всегда будет актуальным. Необходимо отметить, что ясность речи остается относительным понятием, поэтому исполнение требования ясности и, соответственно, выбор и употребление языковых стилистических средств будут различаться в зависимости от стиля речи, вида речевой деятельности и других условий. Таким образом, понятие коммуникативной ясности целесообразно исследовать с точки зрения определенного стиля речи.

Текст обладает коммуникативной ясностью, если он понятен для воспринимающего. «Сущность понимания состоит в таком преобразовании информации, при котором она приобретает для субъекта свой определенный смысл, выражающий активное отношение к содержанию знания, дающий возможность его дальнейшего использования в соответствующих данному смыслу ситуациях» [6: 52]. Вообще, смысл и понимание выступают в единстве. Смысл служит в качестве «непременного момента человеческой мыследеятельности» [2: 13]. Смысл «схватывается» в отношении с миром, памятью и языком одновременно и представляет собой «важнейший предмет теории понимания» [3: 6]. «Это - объект особого рода, присутствующий как бы везде и нигде. Во всяком случае, он не "находится" в тексте, как там находится типографская краска». Смысл текста - в «голове» читателя/слушателя/интерпретатора, поскольку, по сути, текст как бы «предлагает» для интерпретатора «инструкции» по поводу того, как «строить» этот смысл. Процесс понимания текста представляет собой постоянное «набрасывание» смысла. Осмысляя интерпретируемую отдельную часть текста, читатель/слушатель/интерпретатор «делает набросок смысла всего текста в целом. Но этот первый смысл проясняется в свою очередь лишь потому, что» интерпретатор «с самого начала читает текст, ожидая найти в нем тот или иной определенный смысл». Понимание содержания текста «заключается в разработке такого предварительного наброска, который, разумеется, подвергается постоянному пересмотру при дальнейшем углублении в смысл текста» [4: 318]. «Понимание текста происходит в момент становления когнитивной гармонии. Когнитивное понимание текста и становление когнитивной гармонии тождественны.» [1: 67]. «Феномен когнитивной гармонии

выступает как необходимый механизм коммуникативного взаимодействия носителей языка и представляет собой смысловое согласование разнонаправленных смысловых интерпретационных версий» [12: 76].

Таким образом, придерживаясь определения коммуникативной ясности, предложенного В. И. Тармаевой [11, 14], в соответствии с которым коммуникативная ясность при восприятии текста проявляется как составляющая когнитивной гармонии и возникает в момент согласования «авторского» и «читательского/слушающего» смыслов текста при восприятии, определимся также по поводу того, в какой момент проявляется коммуникативная ясность.

Согласно А. А. Залевской, схема «восприятие – понимание» текста предполагает три последовательные ступени. Первая ступень - первичное восприятие. На данном этапе происходит идентификация речевых сигналов, затем вычленение слов, определение языка сообщения. Вторая ступень - восприятие, сопряженное с частичным пониманием. Данная ступень представляет первый этап понимания, на котором происходит вычленение предложений. Наконец, третья ступень - собственно понимание. На данном этапе происходит извлечение смысла из высказывания с целью получения новой информации [8: 90].

В связи с этим необходимо указать, что процессы понимания и производства текста, как отмечает А. А. Залевская, являются сходными, поскольку интерпретатор проходит те же этапы, что и автор текста при его создании. Более того, «опорные элементы смысловой программы, вербализованные автором текста», согласно А.А. Залевской, «становятся смысловой структурой текста, облегчающей воспринимаемому понимание текста» [8: 91]. Итак, коммуникативная ясность при восприятии текста проявляется на третьем этапе «собственно понимания» [8].

«Чудо понимания» на данном этапе заключается не в том, что «души таинственно сообщаются между собой, а в том, что они причастны к общему для них смыслу» [4: 38]. «Теперь читатель < ... > становится писателем сам по себе» [7: 109].

Конечно, такое описание сокращенно и упрощенно. «Становление когнитивной гармонии происходит как реализация предвосхищаемого сознанием предварения-предощущения целого и его последующей экспликации. Становление когнитивной гармонии сопровождает акт дивинации (дивинация - от лат. *divinatio* «предсказание, предчувствие, предпонимание будущего при помощи различных техник»). Известно сочинение Цицерона «О дивинации» (Справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима, 2001), когда толкователь «целиком переносится» в автора текста, тем самым разрешая все непонятное и озадачивающее, что содержит в себе текст. Когнитивное понимание и становление когнитивной гармонии текста всегда предопределено забегающим вперед движением дивинации (предпонимания, предсказания). Дивинация создает известную установку на активный процесс дальнейшей интерпретации, при которой анализ совпадений или несовпадений с ожидаемой дивинацией также входит в процесс интерпретации. Дивинация имеет характер предположения интерпретатора об условиях дальнейшего действия в содержании целого текста. Дивинация предполагает операции: (1) видеть смысловые связи, развертывающиеся в тексте; (2) видеть нарушения смысловых связей в тексте». [12, 13, 14].

Из вышеперечисленного можно сделать несколько выводов. Во-первых, ясность речи выступает ключевым понятием среди качеств речи и отличительным свойством коммуникативной ясности является ее ориентированность на адресата сообщения, так как именно адресат может судить о ясности или ее нарушениях. Во-вторых, коммуникативная ясность при восприятии текста проявляется на этапе «собственно понимания» текста. В-третьих, в зависимости от стиля языка, коммуникативная

ясность будет достигаться различными способами. То, что необходимо для обеспечения ясности в научном стиле, может оказаться неуместным в публицистическом. Именно поэтому представляется важным исследовать коммуникативную ясность применительно к определенному стилю и жанру речи.

Список литературы

1. Античные теории языка и стиля: коллект. моногр. / отв.ред. Фрейденберг О.М. ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1936. 334 с.
2. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. Тверь, 2001. 320 с.
3. Брудный А.А. Семантика языка и психология человека. Фрунзе, 1972. 272 с.
4. Гадамер Г.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Гадамер. М., 1988. 452 с.
5. Гацалов М.М. Современный экономический словарь-справочник. Ухта: УГТУ, 2002. 371 с.
6. Гурова Л.Л. Знания и творчество // Формы представления знаний и творческое мышление. Новосибирск, 1989. Часть 2. 247 с.
7. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. А.В. Гараджа. СПб., Академический проект, 1995. 154 с.
8. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Тверс. ун-тет, 2001. 177 с.
9. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М.: ВЛАДОС, 1997. 384 с.
10. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. 495 с.
11. Тармаева В.И. Когнитивное понимание асимметрии именных и предикативных отношений в английском языке: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2003. 275 с.
12. Тармаева В.И. Основные положения теории когнитивной гармонии в языке: монография. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2009. 235 с.
13. Тармаева В.И. Когнитивная гармония как механизм интерпретации текста // дисс. ... доктор. филол.н. Специальность 10.02.19 – Теория языка. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011.
14. Тармаева В.И. Дивинация событий как установка когнитивной гармонии в повествовательном дискурсе // Филология и человек. 2012. № 3. С. 86-95.
15. Чудинов А.П. Принципы Уральской школы политической метафорологии // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2013. № 1 (23). С. 66-72.

ЖАНР КОММЕНТАРИЯ К ЭЛЕКТРОННОЙ ФОТОГРАФИИ: ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Быльцова М.В.

научный руководитель д-р филол. наук, доц. Евсева И. В.

Сибирский федеральный университет

Одной из характерных тенденций современного этапа развития языкознания является детальная разработка проблемы человеческого фактора в речевой деятельности. Обращение лингвистов к антропоцентризму обусловлено признанием ведущей роли человека в процессах порождения и использования речи. В новой лингвистической парадигме на первый план выдвигается языковая личность.

В лингвистике термин «языковая личность» впервые употребил В.В. Виноградов, а в широкий научный обиход термин ввел Ю.Н. Караулов. Согласно его определению, языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: «степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью» [2].

Комментарий – один из жанров электронной коммуникации. Он вариативен: мы можем говорить о различных видах комментария, например, комментарий в блоге и микроблоге, к товарам в интернет-магазинах, к фотографиям. В настоящий момент наибольшее внимание исследователей уделено анализу комментария к текстам электронных СМИ [1, 3, 5].

Предлагаемое исследование посвящено анализу текстов-комментариев к электронным фотографиям, которые имеют свою специфику (автор комментария рефлексирован на изображение, а не на текст; чаще всего знаком с автором изображения, откуда следует большая интимность жанра и пр.). Данный жанр не был ранее изучен, что говорит об актуальности и новизне работы. Исследование осуществляется в русле научных изысканий, направленных на раскрытие системообразующего когнитивного механизма виртуального дискурса.

В фокусе нашего внимания лингвоперсонема жанра «комментарий к фотографии». Это инвариант языковой личности, «абстрактная единица, совокупность персоноразличительных признаков, единица эмиического уровня» [4]. Предметом изучения является тип языковой личности жанра. Мы опираемся на положение, что модель автора жанра изоморфна части модели лингвоперсонемы, пользующейся жанром, но не покрывает весь её объем. Автор жанра — одно из проявлений личности, выработанное системой языка, на стыке языка и речи, одна из его ролей или ликов. Еще Н.С. Трубецкой утверждал, что «личность не совпадает ни с одним из этих ликов, личность есть связь и совокупность всех их. Все это относится и к частночеловеческой, и к многочеловеческой личности» [6]. Обнаруженные различия инвариантов авторов жанров при их типичности и устойчивости исследователь вправе квалифицировать как типовые лингвоперсоналогические различия.

Нами были рассмотрены особенности речевого поведения авторов комментариев по стратегическому параметру, а также психологической доминанте. Исследование проведено на материале текстов, почерпнутых в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». В текстах, иллюстрирующих положения, авторские орфография и пунктуация сохранены.

Содержательно-стратегическая характеристика персоны автора комментария. Образ автора сводится к выбору тех или иных речевых действий при

саморепрезентации. Авторы различаются между собой по типу выбранной стратегии, коррелирующей с содержанием текста. Наиболее частотные образы автора по данному параметру это: а) «льстец»; б) «наблюдатель»; в) «поздравитель»; г) «связист».

Персона «льстец» – наиболее частотная в выбранном нами жанре. Это объясняется характером общения в социальных сетях – они изначально задуманы как средство связи старых знакомых – друзей, одноклассников и т.п. Пользователи настроены на приятное, ни к чему не обязывающее времяпрепровождение, и чаще всего делают комплименты внешности героя фотографии, которые будут приятны самому герою. Такие комментарии привлекают внимание героя фотографии, способны улучшить с ним отношения. Заметим, что фокус внимания «льстеца» зависит от гендерного аспекта. В случае, когда на фотографии изображена женщина, в подавляющем большинстве отмечается ее внешность: «*Валюшка- КРАСАВИЦА!!!!*», «*я даже больше скажу классно тебе !!!!!!!!!!!!!!!!!красотка!!!!!! не меняешься!*», «*Я ВАС МАДАМ сразу не узнала СУПЕР!!!! ☺*», «*Хороша девчонка наша*», «*как всегда и даже лучше!!!великолеппа))))*». В отношении героя фото – мужчины, отмечается авторитетность, важность: «*Куртка крутая*», «*авторитетный однако*»).

Персона «наблюдатель» обращена непосредственно на ситуацию, представленную на снимке, либо на подпись к нему. Данная персона выражает свое мнение, которое не обязательно представляет собой похвалу; чаще это нейтральное или шутливое высказывание. «*Гарри Поттер нервно курит в стороне*», «*Вот это у Димона нормальный костюм,новогодний,а то куда не посмотри одни деды морозные*», «*Я к вам хочуу... обожаю собирать грибы!!!!!!!!*», «*Это по нашему по Зырянски*», «*Редактор этого фото просто Царь*», «*Ну поняаяятно..)* <...> *Гуляет там с какими-то парняямиш..))))*», «*мммммм...тепло:))))*»

«Связист» – это чаще всего персона, бывшая в знакомстве с автором фото. Ее цель – возрождение контактов с общими знакомыми или друзьями адресата. «Связист» может как запросить информацию о них, так и дать ее, считая интересной и актуальной для автора фото. Часто комментарии данной персоны содержат адреса электронной почты и прочие контакты. «*Тебя, прямо - таки, засыпают комплиментами! irkub@mail.ru - Это адрес Мадьяровой. С БООЛЬШИМ приветом!!!*», «*Надя Ишутина? <...> А где живет Надя? Мы со Светой Кравцовой ищем ее*».

«Поздравитель» создает тексты фатического характера к фотографиям, изображающим какое-либо праздничное или торжественное мероприятие. Отметим, что такая персона нередко использует в качестве поздравлений стихотворения: «*С Новым Годом!!!!!!Мои золотые родные!!!!*», «*С ДНЁМ ВЕРЫ, НАДЕЖДЫ. ЛЮБВИ! В День Святости и Вдохновенья, - Надежды, Веры и Любви. / Желаю сладкого затмения. / И самой солнечной судьбы!*»

Психологическая характеристика персоны автора комментария. Языковые проявления психологических особенностей персон комментария определяются по содержанию надписей и их внешнему оформлению. Нами были выделены следующие персоны: а) экспрессивный, б) ностальгирующий, в) лирик, г) шутник, д) философ.

«Экспрессивный» характеризуется всплеском эмоций в сообщении. Может внешне оформляться обилием восклицательных знаков, содержать уменьшительно-ласкательные формы слов, вопросно-ответные конструкции. «*Да ладно?!? Уже?!? Уррра!!! Мы еще увидим эту красоту!!!*», «*Это точно!!!! Ни один не стоит любви наших внучков!!!!*», «*С Новым Годом!!!!!!Мои золотые родные!!!!*», «*Мои детки вы просто супер . красотульки симпатульки , я вас очень люблю*».

Персона «ностальгирующий» испытывает тоску, грусть по Родине, былым временам. Скорее всего, комментатор в данном случае – друг или знакомый автора из прошлого. «*Вера привет!!! Ваш дом так и стоит!!!! Наш дом тоже сохранился!!! Я*

так давно хотела тебя увидеть вот и сбылось ! Сколько я за тобой хвостиком таскалась в детстве!!!!», «Это по нашему по Зырянски».

Персоне «лирик» свойственна реакция на фото в виде стихотворений. Характерно, что для такой реакции фото не обязательно должно изображать праздник или торжественное событие; «лирика» может вдохновить на творческое выражение мыслей и простой, повседневный автопортрет, или желание похвалить, подбодрить героя фотографии. *«ШИКАРНОЙ ЖЕНЩИНЫ - НЕУЛОВИМЫЙ ВЗГЛЯД... В НЕЙ ВСЕ ПРОДУМАНО - МАНЕРЫ И НАРЯД... ТАКУЮ ЖЕНЩИНУ - НЕЛЬЗЯ НИ ЧЕМ КУПИТЬ... ТАКУЮ ЖЕНЩИНУ - НЕЛЬЗЯ НЕ ПОЛЮБИТЬ», «Хорошему человечку!!! Горжусь немногословными людьми, / Которых так на свете стало мало. / Тебе желаю, чтобы в эти дни / ТЕБЕ ВСЕГДА - ВСЕГДА ВСЕГО ХВАТАЛО! (...)*»

Персона «шутник» дает оценку герою/ситуации, изображенной на фото в несерьезной манере. Комментарии данной персоны часто дополнены смайликами, причитаниями, нарочито неправильным написанием слов – средствами, призванными указать на шуточный характер. *«Куртка крутая <...> Шапочку сменить, не очень... <..> Стильную ушанку носи, а то на этой только надписи Аэрофлот нехватает», «И Андрей, такой молодой!!!», «гонег)», «Нормуль, только фотошоп нехватает. Кожу отфильтровать, бородку отшлифовать. Вот тогда отлично будет!», «так вот куда тебе мины нужны!!!!крокодилов глушить!!!!айяяяй.», «А если прищелкнет ? Жаль тебя», «Валюта, а зубы не показала.Покажи пожалуйста .желательно каждый зубик чтобы видно было.»*

Интерес представляют и глубокомысленные сентенции «философа». Они представляют собой размышления, связанные с изображенным на фото. *«...Ну.куда ж без женщин, ради них рождаются.живут.воюют и умирают,цените женщины!!!», «Дом твой Этония Уус 67 а остальное чужбина Сам прожил вГермании 4 года Дюссельдорф но дом здесь...Не врите себе прости если обидел», «Мать! Если нам дать отдохнуть в этой стране, то мы ещё и не такими звёздами могём быть!!!».*

К персонным признакам по речевой стратегии можем отнести «конформист» (так как автор фотографии, конечно, ждет положительного отклика, что и получает чаще всего от комментаторов), «реципиент» (автор жанра настроен говорить не о себе, а об авторе фотографии или о том, что на ней изображено), по эмоционально-смысловой доминанте – «эмоциональный».

Итак, нами было исследовано речевое поведение авторов комментариев к фотографиям по двум параметрам: стратегический параметр и психологическая доминанта. Анализ материала показал, что психологическая доминанта отражает психоэмоциональное состояние автора текстов. Это проявляется в использовании эмоционально-экспрессивной лексики, нестандартной пунктуации (редупликация знаков препинания), использовании стихотворных конструкций и пр. Стратегический параметр характеризует авторский замысел (цель), что выражается в создании текстов фатического характера, вопросительных конструкций относительно изображенного на фотографии и пр.

Список литературы

1. Бец М.В. Выявление лингвокультурных особенностей национальной языковой личности на примере интернет-комментариев к новостям // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4. С. 55-57.
2. Виноградов В.В. Язык как творчество. М.: Просвещение, 1995. С. 3.
3. Дахалаева Е.Ч. Интернет-комментарии портала «Новости mail. Ru» как объект лингвистического исследования // Электронный ресурс: <http://elibrary.ru>. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21163215> (дата обращения: 25.03.2016)

4. Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты. / Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Москва: Институт русского языка РАН, 1995. С. 38.
5. Савельева И.В. Стратегии восприятия политических текстов авторами комментариев в интернет-среде // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2. С. 152-156.
6. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: «Прогресс», 1995.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯ КАК ВИРТУАЛЬНОГО ЖАНРА

Кожеко А.В.

научный руководитель д-р филол. наук, проф. Евсеева И.В.

Сибирский федеральный университет

На современном этапе развития лингвистики существуют различные модели описания жанров интернет-коммуникации. Наиболее популярными способами анализа интернет-жанров являются параметры разграничения виртуальных жанров (по характеру направленности на адресата, по временной ориентации, по степени взаимодействия и т. д.) О.В. Лутовиновой [2] и модель анализа жанров компьютерно-опосредованной коммуникации Л.Ю. Щипициной [5]. Жанровые особенности интернет-комментариев уже рассматривались в работах И.Г. Сидоровой [4], В.А. Митягиной [3] и др. Как правило, исследователи сосредотачивают свое внимание на определенных видах интернет-комментариев (комментарии на новостных сайтах, комментарии в блогах и т. п.), так как несмотря на типичность некоторых черт данного жанра, его специфика может изменяться в зависимости от того, какого рода комментарии рассматриваются: комментарии к статьям, к новостям, к фотографиям, к постам (записям на странице пользователя социальной сети) и т. д. Мы в своем исследовании обратимся к рассмотрению особенностей комментариев в социальных сетях (Instagram, Вконтакте, Одноклассники).

Е.И. Горошко и Е.А. Жигалина, рассмотрев и обобщив существующие параметры жанрового моделирования, разработали свои критерии анализа жанров интернет-коммуникации. Многие из выделенных критериев взяты из модели анализа речевых жанров (не виртуальных) Т.В. Шмелевой [6]. Авторы отмечают, что описание семи параметров жанровой модели, выделенной Т.В. Шмелевой, соответствует трем уровням: *прагматический уровень* включает в себя коммуникативную цель, образ автора, образ адресата, а также образ прошлого и будущего; *семантический уровень* соответствует анализу диктумного содержания; *стилистический уровень* — языкового воплощения [1:105]. Для более точного описания специфики виртуальных жанров авторы добавляют к вышеуказанной модели параметры, специфичные для интернет-среды, такие как лингвистический дизайн, графическое оформление, шрифтовое оформление и наличие аудиовизуальной информации [1: 123]. В рамках данной статьи мы рассмотрим прагматические особенности комментария как жанра интернет-коммуникации.

Образ автора в интернет-комментариях представляет собой личность, имеющую свою страницу в социальных сетях. Профиль пользователя может быть как реальным (где указываются настоящие данные человека, его имя, фото и т.п.), так и «фейковой», т.е. поддельной. В некоторых социальных сетях сохраняется анонимность пользователей и вместо своего имени они указывают «ник», т.е. идентификационное имя в интернете. Ник редко содержит настоящее имя пользователя, чаще всего это прецедентные имена, зоонимы, имена-характеристики или просто набор букв и символов [4: 164].

Адресатом комментариев могут выступать: владельцы страницы в социальной сети, которые публикуют на своей стене те или иные записи, фотографии, видео, музыку и т.п.; авторы постов в какой-либо группе; другие комментаторы или же просто люди, читающие данные комментарии.

Образ коммуникативного прошлого комментария – публикация пользователем

или администратором группы какой-либо статьи, записи, статуса, фотографии, видео и т.п. Образ будущего – обсуждение опубликованной записи, либо общение между комментаторами или между комментаторами и автором записи.

Коммуникативная цель комментария, в первую очередь, заключается в том, чтобы дать свою оценку тому, что является содержанием записи в профиле конкретного пользователя или группы по интересам. В.А. Митягина [3: 192] отмечает, что комментарий может выполнять две основные функции: фатическую (т. е. удовлетворять потребность в общении) и презентационную (способствовать самовыражению). И.Г. Сидорова определяет коммуникативную цель данного жанра как «самовыражение и отстаивание личностной позиции относительно различных действий автора блога, веб-сайта, владельца персональной страницы (профиля) в социальной сети» [4: 163]. Однако, помимо вышеуказанных основных целей, в интернет-комментарии могут проявляться и другие более частные цели. Например, в социальных сетях, чаще всего под записями каких-либо сообществ или популярных людей, постоянно появляются записи, совершенно не относящиеся к содержанию поста и обычно носящие рекламный характер. Приведем пример части типичной «ленты» комментариев, в которых мы можем обнаружить дополнительные цели публикации комментариев к каким-либо записям, фото, видео или аудио материалам.

Фотографии девушки до и после макияжа (в виде коллажа) в сети Instagram. Страница известного визажиста. Подпись владелицы страницы (орфография и пунктуация пользователей сохранены):

***goar_avetisyan** Simple and beautiful:) love this girl :) Прекрасная Лера, очень красивая девушка с интересной внешностью:) Сегодня проходим смоки, который решили украсить пигментом) Ну как вам?)*

26 тыс. отметок «Нравится»

Большая часть комментариев содержит оценку, личное отношение комментаторов к работе мастера или же к внешности модели («Обожаю. мастер своего дела! Умница», «Супер!», «Ужас», «Шикарно! Макияж нереальный!!! А девушка просто восхитительной красоты»)), «Полностью не согласна. Ужасная кожа, не здоровый вид и многие другие не дочки», «Брови у девушки конечно:(», и т. д.). В подобных записях встречаются не только комментарии, содержащие объективную оценку, но и комментарии, которые помогают своему автору самопрезентовать, показать себя как человека знающего, компетентного, или же как остроумного, ироничного, и т. п. («Брови не крашенные лучше, крашенные слышном толстые», «Вот и доверяй после этого женщинам О.о», «Во мужик на утро охренел бы», «Свои брови вроде хорошие . Одинаковые эти уже приелись», «Ну, т.к критику тут не воспринимают, скажу - бегите мужики», «Она сама так вряд ли накрастётся, или к Гоар кажд.день будет бегать?! Чтоб "мужик на утро "оценил. Это для одноразовых путан на ночь такой расклад.в охренела бы она,что мужчина человека отличить не может.косметика ток уярчила,дала яркости такому же лицу как и ДО» и т.д.). Из-за колких комментариев на страницах пользователей часто разгораются конфликты и словесные перепалки между двумя или несколькими незнакомыми людьми. Причем обычно подобные споры и обмен обвинениями не связаны с записью на странице, с медиа-контентом или же с человеком, на странице которого эта перебранка возникла, т. к. спорщики начинают переходить на личности и игнорируют попытки других пользователей урегулировать конфликт.

Часто комментарии не связаны с данной записью и содержат рекламу, причем в такой рекламной записи используется уловка обращения как бы к конкретному пользователю, имеющему какую-то проблему, например: «Светлана Блин да что ты паришься я тоже не хожу в спорт зал но потеряла 14 кг за месяц я просто прочитала

в интервью *Киушкиной Анастасии из Дом2 Можете прочитать этот способ у меня в статусе*», хотя среди предыдущих комментариев не было никакой Светланы и никто не жаловался на свой вес. Также можно в социальных сетях встретить множество неуместных рекламных комментариев, в которых автор открыто предлагает какие-либо услуги и дает ссылку на свой сайт или профиль, или комментарии, содержащие призыв зайти на свою страницу или сайт (Например, записи по типу «сенсационных новостей»: *ШОК! Такого вы еще не видели!!!...ссылка..»*), или же различные просьбы проголосовать за кого-либо в конкурсе, поставить «лайк» под фотографией и т. д. Подобного рода комментарии рассчитаны на то, в данный момент, при чтении обсуждения какой-то записи, фотографии или видео, большое количество пользователей встретит комментарий-рекламу, обратит на него внимание и перейдет по ссылке.

Иногда комментарии (преимущественно в сети Instagram) содержат только ссылки на страницы случайных пользователей. Данный прием используется для того, чтобы привлечь внимание этих людей к данной записи в целях рекламы, так как у каждого пользователя отображается в ленте «новостей», если его имя упомянули в каком-либо комментарии, и из любопытства пользователь обращается к такой записи.

Некоторые комментарии имеют своей целью не оценить кого- или что-либо, а спросить совета у специалиста, проконсультироваться или просто обратиться с просьбой, вопросом к остальным пользователям, читающим эту «ленту» комментариев, например: *«Талант от бога! Подскажите Гоар у меня всю жизнь синяки под глазами сильные . мне 40 лет .как и чем их скрывать.рs хотя вы наверное не отвечаете»*, *«Девчули, помогите кто может((никак не могу найти подходящий тональный крем, у меня кожа как у азиаток, с желтизной, и не получается найти что то действительно подходящее((может знает кто?»* и т. п.

В современной напряженной политической обстановке часто среди комментариев появляются записи, связанные не с темой обсуждения, а с критикой властей, других народностей и т.д. Такие комментарии имеют своей целью продемонстрировать окружающим отношение комментатора к миру, к политике, вступить в дискуссию, спор или даже просто выплеснуть накопившийся негатив на случайных пользователей какой-либо группы в социальной сети. Например, в одной из групп ВКонтакте под фотографией пейзажа с цветущим деревом, с подписью «Украина, Черновцы» помимо комментариев, относящихся непосредственно к данному посту (*«какая красота *-*»*, *«А что это цветет?очень красиво»* и т.п.), появляются комментарии, оценивающие не фотографию, а современную ситуацию в мире (*«Красота»))а в Луганске твари людей убивают))*», *«Нах сюда фашистов выкладывать?? У»*, *«Админы удалите этих уродов»*, *«Николай, твоего мнения все забыли спросить»*, *«Б*ать Как будто ничего не происходит в Украине»* и т.д.

В различных интернет-сообществах, созданных для того, чтобы люди анонимно делились своими секретами, историями, переживаниями (часто название таких групп начинается со слов «Подслушано в ... (это может быть названием города, района, организации и т.п.)», например, группа в сети ВКонтакте «Подслушано в Красноярске», где часто разгораются бурные обсуждения в комментариях. Комментаторы выражают свое отношение к мыслям, которые высказал автор; оценивают его поведение в описанной ситуации; упрекают автора в глупости, неопытности и т.п.; дают советы или настойчиво обращаются к нему с наставлениями, навязывают свои жизненные взгляды, приоритеты, правила, или же наоборот, поддерживают автора, разделяют его позицию, показывая, что не только он сталкивается с подобными проблемами и т.п. В связи с тем, что в таких сообществах сталкиваются люди с различными жизненными приоритетами, противоположными мировоззрениями и с разным стилем жизни, между

комментаторами часто возникают конфликты, обмен оскорблениями, упреками и т.п. В данном случае целью многих комментаторов выступает желание убедить практически каждого участника обсуждения в истинности и правильности его собственных представлений о жизни, показать другим свою состоятельность как личности, свой жизненный опыт и т.п. Иногда в подобных комментариях люди просто выплескивают на других накопившиеся отрицательные эмоции, что мгновенно приводит к конфликтам. Однако нельзя сказать, что в подобного рода обсуждениях всегда преобладает негатив, так как у комментаторов могут быть и нейтральные или позитивные цели для написания комментариев, например, просто деликатно высказать свое мнение по данному вопросу; помочь автору советом, поддержать автора; пошутить по поводу написанного; поднять настроение остальным участникам обсуждения или даже постараться урегулировать конфликт, возникший между другими комментаторами данной записи.

Целью интернет-комментария может быть не только общение, реклама, оценка и самопрезентация комментатора и т.п., но и троллинг. Троллингом (с англ. *trolling* означает «ловля рыбы на блесну») называется способ социальной провокации, в которой люди специально подстрекают участников общения на конфликты, споры, клевету и т.п. Как правило, подобное поведение связано с анонимностью пользователей или с созданием «троллем» поддельной страницы, где указываются несуществующие данные об этом человеке (в Сети такие страницы называют «фейковыми»). Анонимность позволяет «троллю» свободно настраивать участников общения друг против друга с целью посмеяться, поиздеваться над другими пользователями и выплеснуть свой негатив в виртуальную среду, не опасаясь ответственности за свои слова.

Таким образом, проанализировав имеющийся языковой материал, мы можем сделать вывод о том, что целей написания интернет-комментариев может быть большое количество. Помимо стандартных, изначальных целей комментария, таких как оценка, самопрезентация и фатическое общение, могут быть и другие, например, распространение рекламы, троллинг, выражение накопившихся эмоций, получение информации или совета от опытных людей и т.д. Обычно цели интернет-комментария зависят от того, на каком сайте они располагаются и к какого рода записи относятся.

Список литературы

1. Горошко Е.И., Жигалина Е.А. Виртуальное Жанроведение: устоявшееся и спорное // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Харьков. 2011. Том 24 (63). №1. Ч.1. с. 105-124.
2. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 477 с.
3. Митягина В.А. Интернет-комментарий как коммуникативное воздействие // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – Орел, 2012. – С.188-197.
4. Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий). Дисс. канд... филол.наук. 10.02.19 – теория языка. Волгоград, 2014. 249 с.
5. Щипицина Л.Ю. Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009. Вып.114. С.171-178.
6. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 91-96.

ТЕКСТЫ РУССКОГО РЭПА В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ОКСИМИРОНА)

Корнева Н.А.

научный руководитель канд. филол. наук, доц. Подберёзкина Л.З.

Сибирский федеральный университет

Исследование песенного дискурса представляется перспективной и актуальной темой в изучении современного русского языка. Рэп как направление хип-хоп культуры является неиссякаемым источником словесных новообразований. Постоянно пополняющийся фонд текстов вызывает необходимость синхронного анализа. Вследствие этого спектр потенциальных тем оказывается довольно обширным: рассмотрение, как в литературоведческом, так и лингвистическом аспектах. Наше внимание остановилось на таком лингвистическом феномене как языковая игра. Она представляет собой специфическую, неканоническую, нестандартную, творческую, отклоняющуюся от нормы речевую деятельность и широко функционирует в рэп-текстах.

Целью нашей работы является изучение приёмов языковой игры, которое достигается решением таких задач, как их анализ и реконструкция. Проблема исследования состоит в том, что художественные приёмы, используемые в рэп-текстах, не реконструируются адресатом. Смыслы, вкладываемые подобным образом исполнителем в текст, оказываются сложны, требуют дополнительной информации. А в чём главная задача филолога, как ни в написании комментариев, дающих правильные разъяснения.

Языковая игра представляет собой механизм создания двойных смыслов, ведь при реконструировании оборотов адресат воспринимает как видимую (внешнюю) и скрытую (внутреннюю) части, так и взаимосвязь между ними, в которой и заключён игровой момент. Данный приём как бы раздвигает языковое пространство, создавая дополнительный уровень, в котором содержится добавочный смысл и переход, показывающий, каким образом эти смыслы «срабатывают» вместе. Авторы рэп-текстов, используя в своём творчестве приёмы языковой игры «стремятся, с одной стороны, преодолеть косную массу клишированного языка, а с другой – проявить потенциально заложенные в языке богатейшие смысловые возможности»^[1].

Так, литературоведческие термины в рэп-культуре имеют аналоги: приём языковой игры называется «панч». Самым распространённым приёмом является каламбур. В.З. Санников определяет его значение как «шутку, основанную на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию»^[2]. Однако А.Э. Скворцов отмечает, что категория смеха не является исчерпывающей в понимании языковой игры, а комический эффект выступает лишь её спутником. Например, когда мы рассматриваем панчи отдельно, они могут показать нам забавными, даже смешными, но если мы поставим их в контекст, то комических эффект тут же пропадёт. Почему так происходит? А все дело в том, какую атмосферу задаёт автор, как он «окрашивает» текст. Е.А. Земская отмечала, «комическое и “серьёзное” звучание тропа зависит от намерения автора»^[3]. В.З. Санников добавляет, что «оно зависит и от “настроения” слушателей»^[4]. А так как в большинстве текстов рэпа языковую шутку и не предполагают и не ждут, то фраза как бы теряет комизм и начинает выполнять другую функцию, например, выделительную или экспрессивную.

Обратимся к текстам Оксимирана и рассмотрим их на конкретных примерах:

1. Каламбур, основанный на многозначности слов:

- прямое и переносное:

«Я сказал железно всё, но ты коррозия металла».

- собственное и нарицательное:

«А твой договор, как диплом у Киркорова — Филькина грамота».

- специальное и общеупотребительное:

«И я ходил по краю, как краевед».

- диалектное и литературное:

«За мной косяков было больше, чем за вожакон перелётных пернатых».

- свободное и фразеологически связанное:

«Мы – первые кроманьонцы, мы выбились в люди».

- общеупотребительное и индивидуально осознаваемое:

«Е2 Е4 - районы с почтовым кодом, а не ход против черных».

2. Обыгрывание сходства в звучании (парономазия или паронимия):

«Мы с тобой сироты, которым провели в интернат интернет».

3. Все типы омонимов:

- полные омонимы:

«А город утопает в зелени».

- омофоны:

«Мне 26, но я развиваюсь/развеваюсь с трудом, будто заштопанный флаг».

- случайное совпадение/сходство русских и иностранных слов:

«Если тут кто-то курд/Курт, то он не Воннегут».

Кроме каламбура существуют и другие приёмы создания языковой игры. Термин, предлагаемый нами, звучит как «дефразеологизация» и заключается в том, что при создании языковой игры происходит некое отхождение от переносного смысла фразеологизма и восприятие его в прямом смысле. При этом явлении возникает ситуация, в которой фразеологизм распадается на два смысла: первоначальный – переносный и добавочный – прямой. Чтобы добиться языковой игры необходимо обратиться к прямому смыслу и «поиграть» с ним.

Приведём в пример следующий панч «И ты похож на натюрморт – на тебе нет лица» и посмотрим, как он «сделан». Сначала автор выбирает существующий фразеологизм «на тебе лица нет», затем он переводит его в прямое значение и начинает подбирать ассоциативный ряд. Возникает параллель с жанрами живописи: на натюрморте, в отличие от портрета, нет лиц.

«И я ходил по краю, как краевед»: автор действует по такому же принципу и выбирает существующий фразеологизм «ходить по краю», затем он переводит его в прямое значение и начинает подбирать ассоциативный ряд. Возникает параллель с профессией краеведа, а слово край является омонимом и помогает достроить смыслы.

«Я, как пленный инопланетянин, не в своей тарелке»: существующий фразеологизм «быть не в своей тарелке», параллель с космической тарелкой.

Так же существует способ называемый «контаминация», только если Е.А. Земская рассматривает его на уровне слова^[5], мы выводим его на словосочетание. И получаем ситуацию, при которой два выражения сталкиваются и объединяются общим элементом, порождая при этом новый смысл, например:

- «похоронное бюро» + «бюро находок» = «работа с доходом в похоронном бюро находок»;

- «часовой пояс» + «пояс верности» + «пояс смертницы» = «наша фортуна перед зеркальцем вертится, примерив часовой пояс верности-смертницы»;

- «черепная коробка» + «коробка телепередач» = «мне не передать, что в моей черепной коробке телепередач».

Рассмотрев тексты русского рэпа в их особенностях и реконструировав приёмы языковой игры, мы определили разнообразие происходящих процессов, их значимость и художественную ценность. Стало понятно, как адресантом закладывается смысл в элементы языковой игры, и почему они не всегда или не сразу реконструируются адресатом. Также появилось решение проблемы разъяснения этих смыслов слушателям: необходимо проводить исследования, а именно создавать лингвистические комментарии на профессиональном уровне и вообще изучать рэп-культуру, так как она является голосом поколения.

Список литературы

1. Вершинин М., Макарова Е. Современные молодёжные субкультуры: рэперы. «ПСИ-ФАКТОР»: информационный ресурсный центр по научной и практической психологии, 2007. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://psyfactor.org/rar.htm> (дата обращения 06.07.2015).
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Ин-т рус.яз РАН. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
3. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 344с.
4. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552с.
5. Шмелева Т.В. Рэп // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. №4(6). Май. – Красноярск, 2010б. – С.14. Рубрика «Лексикон современного интеллигента»; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/94> (дата обращения 21.10.2015).

**ВЫМЫШЛЕННАЯ ФЛОТСКАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНАХ
РУССКОЯЗЫЧНОГО ФЭНТЕЗИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА В.В. КАМШИ
«ОТБЛЕСКИ ЭТЕРНЫ»)**

Кротов Н.И.

научный руководитель канд. филол. наук Подберёзкина Л.З.

Сибирский федеральный университет

Предметом настоящей статьи является анализ вымышленных элементов флотской тематической лексики в современных романах русскоязычного фэнтези с целью определения их специфических отличий от реальной флотской лексики, функционирующей в художественной литературе.

Цикл «Отблески Этерны» Веры Камши (далее ОЭ) представляет собой образец псевдоисторического фэнтези – поджанра, где повествование о вымышленном мире ведётся в реалистическом ключе, события в большей или меньшей мере повторяют те, что имели место в реальной истории. Магия и сверхъестественные явления не являются широко распространёнными в мире произведения, хотя во многом именно причины, по которым они набирают силу, оказываются ключевым элементом сюжета [1]. Эта жанровая принадлежность, как будет продемонстрировано в дальнейшем, определяет особенности порождения и функционирования вымышленной флотской лексики в текстах романов цикла. Сам же цикл представляет собой пентологию, четвёртая книга разделена на два тома, а пятая – на три.

Таблица 1 – Сводная таблица элементов флотской лексики в романах цикла

	С внутренней формой			Оригинальные
	С внутренней формой на русском языке	С прозрачной внутренней формой на иностранном языке	С внутренней формой на вымышленном языке	
Собственные имена судов (навионимы)	64	13	0	1
Наименования типов и классов судов	0	1	1	1
Названия флотских воинских званий и судовых должностей	0	1	0	0
Флотские прозвища конкретных лиц	6	0	0	0
Гидротопонимы	4	9	0	5
Метафорические и метонимические номинации	3	1	0	1

Названия ветров	0	1	2	1
Названия морских животных	1	2	0	0
Названия флотских суеверий и обычаев	1	1	0	0

Как можно заключить из таблицы выше, основную часть флотской лексики в ОЭ составляют собственные имена кораблей и объектов гидрографии. Это объясняется обилием на страницах цикла батальных сцен, в том числе и морских, и необходимостью адекватно передать диспозицию войск, неоднократно меняющуюся в ходе боя. Представлены навионимы, построенные по схемам «нарицательное существительное» («Змей», «Удача», «Мориск») «нарицательное существительное + прилагательное» («Морская пантера», «Бордонский лев», «Влюблённая акула»), «топоним» («Марикьяра», «Алвасете», «Ноордкроне»), «нарицательное существительное + топоним в родительном падеже» («Меч Бордона», «Красавица Фельпа», «Гордость Эйрехта»), «абстрактное собственное имя» («Аглая», «Микаэла»), «собственное имя исторического лица» («Франциск Великий», «Манлий», «Кесарь Хлодвиг», «Герхард Славный»), фигурируют в качестве имён кораблей нумеративы (разборные галеры-ызарги пронумерованы от «Единицы» до «Девятки») и календарное понятие («Зимняя молния» – месяц Зимних Молний в традиционном календаре мира ОЭ приблизительно соответствует реальному марту).

Государства и нации в мире ОЭ имеют легко прослеживающиеся параллели в мире реальном. Вследствие этого в их ономастиконе, в том числе морской топонимии, обнаруживаются элементы соответствующих языков, зачастую искажённые, дабы затруднить узнавание. Так, например, основное действие романов происходит в королевстве Талиг, являющемся аллюзией на Священную Римскую и Российскую империи, и основная масса главных героев является его подданными. По этой причине большинство талигойских номинаций имеет внутреннюю форму на русском языке как языке предполагаемого «по умолчанию» читателя, или же не имеют её вовсе (во всяком случае, контекст не даёт оснований этого предполагать: ср. порт *Фариан*, река *Этенизель*). Однако наибольший интерес представляют те номинации, которые имеют внутреннюю форму на языке, отличном от русского. Это, как справедливо отмечает Л.П. Крысин, говорит «о хорошем знакомстве пишущего с иным языком и иной культурой, об отсутствии своеобразного порога, превращающего иной язык и иную культуру в чужие и даже чуждые» [3: 39], а также характеризует своеобразие фикционального мира, где вымышленным государствам и культурам имеются более или менее точные соответствия среди реальных.

Особое положение занимает в романах Камши испанский язык, элементы которого прослеживаются в лексике практически всех вымышленных государств. Так, *тибур* (крупная хищная рыба – помечено автором в сноске) является производным от исп. *tiburón* – акула и обладает схожей фразеологической сочетаемостью: адмиралом Фоккио Джильди (гражданином вольного города Фельпа, отсылающего к итальянским городам-республикам) приводится эмоциональное восклицание «Три тибура на ваш гарпун!» (ср. распространённое в художественной литературе «Акула вам в глотку» и др.). Испанскую этимологию имеют также имена судов «Алвасете» и «Соберано». Первое, сконструированное по созвучию с действительно существующим в Испании регионом Альбасете, является названием столицы герцогства Кэналлоа в составе

Талига и отсылает к фамилии правящих им герцогов Алва. Второе является исконным титулом этих герцогов и буквально переводится с испанского как «государь».

В лексике противостоящих Талигу государств Дриксен и Гаунау, а также вассальных ему земель Бергмарк и Марагона легко опознаётся немецкий язык. В числе дриксенских судов, участвующих в морских баталиях, присутствуют названные характерными германскими именами: «*Святая Урфрида*», «*Зиглинда*», «*Кунигунда*», «*Кесарь Хлодвиг*» (кесарь – титул дриксенского монарха, избранный явно по близости к нем. Kaiser). Присутствуют полные транслитерации: упоминаются порты *Метхенберг* (из нем. *Mädchen* – девочка, девушка и *Berg* – гора) и *Ротфогель* (нем. «красная птица»), корабли «*Пфейфер*» (нем. *Pfeifer* – дудочник) и «*Голдфиш*» (нем. «золотая рыбка» с переносным значением «богатая невеста»). Единственное специфичное для ОЭ наименование флотского воинского звания *адмирал цур зее* также относится к дриксенскому флоту и имеет немецкую этимологию.

Особого внимания заслуживает слово *фрошер* – «лягушатник», обозначающее талигойца и, метафорически, талигойский корабль (заметим, что метафоризация такого рода также продуктивна и в реальной флотской лексике): автором в сноске поясняется, что *фрошер* в свою очередь является производным от *фроизигер* (нем. *Froschsieger* – «победитель лягушек»), что иронически отсылает к гербу Талига, где изображён рыцарь, побеждающий дракона. По тому же принципу дриксенские суда на талигойском флоте называют «*гусаками*» – гербом Дриксен является коронованный лебедь.

Некоторые из кораблей (что примечательно, именно дриксенских) имеют в тексте романа несколько разных номинаций. Так, суда «*Святой Эберхард*», «*Пламя небесное*» и «*Хитрый селезень*» шутливо называются в среде их команд деминутивами «*Эбби*», «*Огонёк*» и «*Утёнок*» соответственно. Это характеризует коммуникативную ситуацию [2: 53] как неформальную, а употребляющих эти номинации персонажей как относящихся к своим кораблям и их мореходным и огневым качествам с добродушной иронией. Гораздо менее добродушная ирония звучит в устах талигойских моряков, называющих дриксенский корабль «*Весенняя птица*» просто «*Птичкой*»: здесь употреблённое уменьшительное имя имеет скорее уничижительную функцию. Дважды имеет место попытка перевода названия самими героями: «*Глаубитерн*» вначале ошибочно переводится на талигойский (роль которого исполняет русский) как «*Верная звезда*», и правильно – как «*Звезда веры*».

Особую группу вымышленной лексики составляют моряцкие прозвища, которых в текстах романов насчитывается шесть. Характерно, что все они даны исключительно на русском языке. Из них три прозвища определяют называемое лицо по черте характера (*Бешеный*, *Ледяной Олаф*, *Добряк Юхан*), одно – по внешнему сходству (*Зубан*; вероятно, с одноименной рыбой, персонаж под такой кличкой упоминается, но не описывается), одно – по эмоциональной реакции на его персону (*Крысий Паценок*), и одно является пародийным усечением до звукоподражания (*Бе-Ме* от фамилии *Бермесер*).

Вымышленных наименований типов судов в текстах романов упоминается три. Наиболее широко употребляется слово *линеал* – «линейный корабль», взятое из англ. *lineal*, имеющего, однако, значение «линейный» в строго математическом смысле. Установить этимологию слова *фаццеска* не удалось, что говорит, вероятно, о его немотивированном происхождении (связи с лат. *facies* не прослеживаются в контексте). Разборные низкобортные галеры за непривлекательный вид метафорически названы *ызаргами* (ызарг – вымышленное животное, напоминающее волосатую змею с лапами, используется в романах как олицетворение подлости, мерзости и коварства) и несут их

изображения на флагах; враждебные бордонские войска по аналогичной причине называют их *гадами, тварями, чудищами* и метонимически «серыми».

Лексика героев-моряков богата образными выражениями, связанными с морской живностью. Помимо вышеупомянутого *тибура*, объектом фразеологизации становятся краб и вымышленная рыба *зубан*. При этом последний является функциональным аналогом чёрта в выражениях типа «*зажри/заешь кого-л. зубан*», «*отправить к зубанам*» (т.е. на дно), «*к зубаньей бабушке*», «*укуси меня зубан!*», тогда как краб чаще становится объектом нелицеприятного сравнения, ср.: *ублюдок селёдки и краба, крабье отродье, крабий пащенок*. Аналогичной *зубану* фразеологической сочетаемостью обладает *крабья тёща*, к которой можно *отправить* и которую можно *тешить*. Два этих существа сближаются также в словосочетании «*кормить зубанов*» – «*кормить крабов* (вариант: *омаров*)», т.е. находиться на морском дне, числиться утонувшим.

Из четырёх названий ветров, фигурирующих на страницах романов, отдельного упоминания заслуживает одно. К метонимической номинации *кэналлиец* автор даёт сноску с примечанием «сильный южный ветер». Прототипом герцогства Кэналлоа является историческая Испания, а в Словаре ветров Л.З. Проха [5: 82] находим «испанский ветер». Принцип метонимизации «местность – ветер, дующий из этой местности» совершенно совпадает. Всё это позволяет отнести практически все имена нарицательные из рассмотренных нами к категории экзотической лексики. Её единицы, по свидетельству Л.П. Крысина, «не принадлежат, подобно заимствованиям, системе использующего их языка, не функционируют в нём в качестве более или менее прочно связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка единиц» [3: 61]. При всём том их чужеродность – пишет Крысин – «не исключает <...> и употребления их в качестве своего рода перифрастического средства, окказиональных синонимов к регулярно употребляемым исконным словам» [Там же: 64], что, как мы можем наблюдать, является в ОЭ весьма продуктивным.

Таким образом, можно заключить, что специфических именно для фэнтези способов порождения флотской лексики, по-видимому, не существует. Однако особый круг номинатов, реалий, подвергаемых обозначению, и сложные механизмы метафоризации и словообразования на основе разных типов заимствований позволяют автору сформировать спектр тематически связанных с мореходством экзотизмов, ярко выделяющихся на фоне общеупотребительной и даже специальной лексики. Тем самым изображение фикционального мира и в особенности населяющих его персонажей обретает особую выразительность и достоверность.

Список литературы

1. Жанры: историческое фэнтези [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art731.htm> (Дата обращения: 17.И.2016)
2. Кротов Н.И. Морской жаргон как выразительное средство художественного текста (на материале романа В.С.Пикуля «Океанский патруль»). – Молодёжь и наука: в 3 т.: материалы конф. Т.1. Ч.2 / отв. за выпуск А.Н.Тамаровская. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 51-55.
3. Крысин Л.П. Русское слово своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с. – (Studia philologica)
4. Новичков А.А. Авторские топонимы в романах фэнтези // Альманах современной науки и образования [Электронный ресурс]. – Тамбов: Грамота, 2009. – Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2009_8-2_54.pdf (Дата обращения: 17.И.2016)
5. Прох Л.З. Словарь ветров. – Л.: Гидрометеиздат, 1983. – 312 с.

СПОСОБЫ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ ГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КРАСНОЯРСКА)

Лукьянова Д. В.

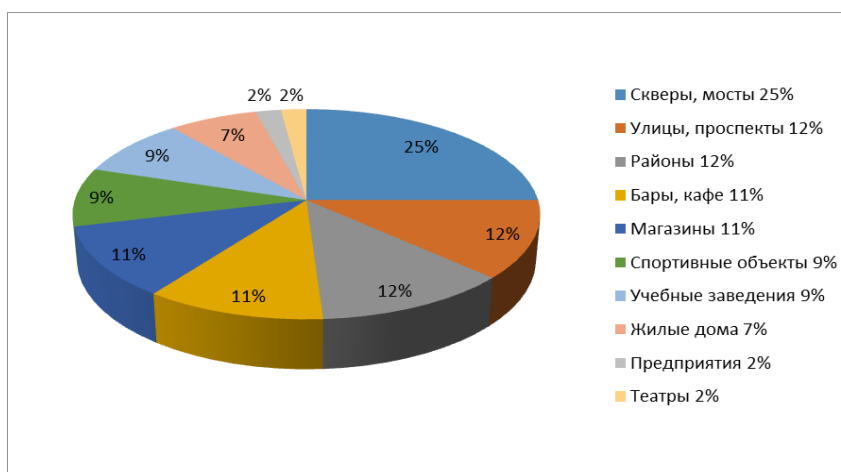
научный руководитель канд. филол. наук Подберёзкина Л. З.

Сибирский федеральный университет

Неофициальные номинации городских объектов – особая часть лексики города, которая характеризуется общеупотребительностью, стилистической окрашенностью и экспрессивностью [4]. Причины их возникновения разнообразны: это и отторжение горожанами нейтральных «громоздких» названий, желание их сократить, и необходимость различать объекты с одинаковым значением или одинаковыми функциями, и, наконец, стремление к эмоциональной оценочности и экспрессивности [2]. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что язык современного города отражает и формирует культурное пространство горожан, а неофициальная урбонимия может существенно повлиять на языковую практику и формирование языковой политики в городской среде [3].

По данным нашего исследования, чаще всего неофициальные номинации получают скверы, мосты, районы, улицы, кафе, учебные заведения, магазины. Практически не подвергаются неофициальной номинации предприятия и театры.

Типология объектов жаргонной номинации показана на рисунке 1.

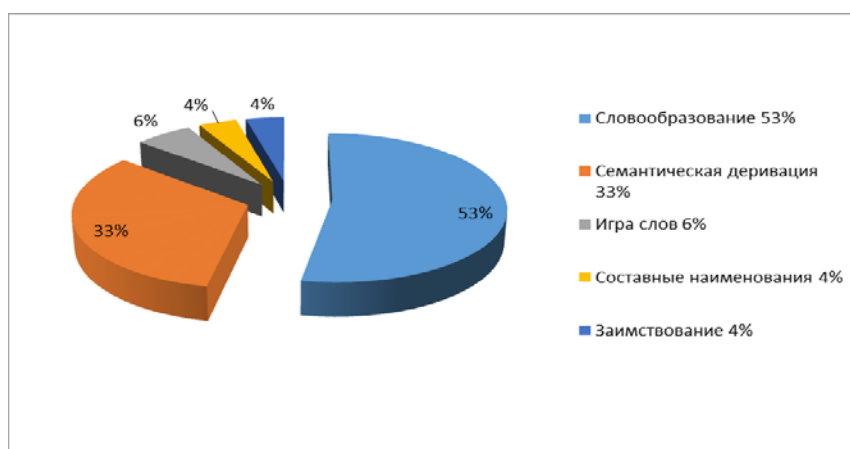

Рис. 1 – Типология объектов жаргонной номинации

Неофициальные номинации включают общегородские и молодёжные наименования. В Красноярске чаще всего используются молодёжные наименования (56 %). К таким можно отнести следующие: *Барса* – кафе «Барселона» (*Столовую закрыли / придётся в «Барсе» обедать!*), *Каспер* – заброшенное здание в микрорайоне Северный (*Я боюсь в Каспер ходить!*), *Кабанка* – хоккейная коробка стадиона «Спартак» (*На Кабанке играть сегодня будем!*), *Крастик* – рынок «Крастэц», *Лыска* – гора в Кировском районе, *Колодцы* – главный корпус Сибирского федерального университета и др.

Группу общегородских наименований составляют, например, *Бобруха* – фанпарк «Бобровый лог», *Биг Бэн* – здание мэрии Красноярска, *Высотка* – улица Высоцкого, *Пустырь* – микрорайон Северный и др.

Неофициальные номинации городских объектов образуются различными способами. Это усечение, универбация + суффиксация, аббревиация, основосложение, семантическая деривация, игра слов, заимствование [1]. Соотношение данных способов в речи красноярцев представлено на рисунке 2

Рис. 2 – Номинации городских объектов в молодёжном жаргоне

Обратимся к анализу данных способов на нашем материале.

1. Словообразование

1.1. **Универбация** – лидирующий способ словообразования, им образовано 53% всех наименований. В общегородском жаргоне прослеживается чёткая тенденция, в которой слова номинируются именно этим способом: *Татка* – остров Татышев (Может/мы на неделе как-нибудь на Татку махнем покататься/), *Мясик* – район мясокомбината (Около Мясика такое озеро/закачаешься/), *Свинка* – гастропаб «Свинья и бисер» (В Свинке посидим или в другое место пойдём/), *Набережка* – набережная Енисея, *Вагонка* – вагоноремонтный завод, *Агриск* – магазин «Агропром», *Аграрка* – Красноярский государственный аграрный университет.

1.2. **Усечение** – способ словообразования, которым образовано 20% неофициальных номинаций. Например: *Гос* – главный корпус Сибирского федерального университета (Сегодня в Гесе света нет/занятия отменили/), *Экс* – тренажёрный зал «Экселент» (В Эксе тренеры так себе / да и цены ломают/).

1.3. Способ **аббревиации** не является популярным в речи красноярцев. В аббревиации представлены две разновидности - акронимия и слоговая аббревиация, из которых наиболее частотной является акронимия: *КЫРСК* – собственное название города Красноярска (На днях в КЫРСК поеду/), *НЮ* – кафе-бар «Нью-Йорк» (Давайте в НЮ соберемся/). Слоговая аббревиация обнаружена лишь в одном примере: *Кэ Эф Си* – сеть ресторанов «Ростикс».

1.4. **Основосложение** – вид словосложения, при котором новые слова создаются посредством объединения в одно слово двух и более основ. Основосложение в речи красноярцев представлено редко, но все же встречается, например: *Тыщекойка* – район БСПМ (На Тыщекойке драка была/), *Музкомод* – театр музыкальной комедии (Сегодня в «Музкомоде» в 18:00 пройдёт шоу-конкурс «Прощу слова/).

2. Семантическая деривация

Часто объекты номинируются способом *семантической деривации*, который чаще всего представлен метафорой, см., напр.: *Серый дом* – здание правительства края на ул. Мира (Около Серого дома мы обычно не тусуемся / нафиг надо/),

Пирамида – гуманитарный корпус Сибирского федерального университета (Столовая в Пирамиде лучше, чем в Гесе//), *Стакан* – сквер около памятника А. С. Пушкину и Н. Гончаровой (На Стакане обычно такие ребята сидят//), *Тапок* – сквер около факультета начальных классов Красноярского государственного педагогического университета, *Паранет* – двор на улице Карла Маркса и др. Такие номинации являются самой интересной категорией для изучения, так как они отражают культуру, интересы и ценностные ориентиры молодёжи.

3. **Игра слов**

6 % собранного материала составляют номинации, образованные игрой слов, которая в большинстве случаев представлена фонетической мимикрией. Приведём характерные примеры: *Хы Энд Мы* – магазин «Н&М» (Я вХы Энд Мы одеваюсь / там цены дешёвые //), *Эрыгено* – дворец спорта имени Ивана Ярыгина (Сегодня едем в Эрыгено / там ледовое шоу будет//). Кроме фонетической мимикрии молодёжью используются различные типы каламбуров, осложнённые семантическими преобразованиями. Например, *Блин где мои сланцы* – неофициальное название тренажёрного зала «Колизей» (В «Блин где мои сланцы» снова абонемент подорожал / да сколько можно//).

4. **Составные наименования**

Составные наименования являются непродуктивными в речи красноярцев, они составляют лишь 4 % собранного материала. К таким номинациям относятся, например, *Железный двор* – двор, в котором находится травмпункт (Я жил 10 лет в Железном дворе / что со мной может случиться / сама подумай//), *Лысая гора* – гора в Кировском районе (Не/не/не/ Я на Лысую гору ни ногой //).

5. **Займствование**

Характерно, что лишь 4% неофициальных наименований образовано способом заимствования. Чаще всего это заимствования из английского языка: *Биг бэн* [Bigben] – здание мэрии (Мы на Биг Бэне любили летом собираться / круто было//), *Юниверсити* [University] – Сибирский федеральный университет (Я в Юниверсити учусь/ мне очень нравится//) и др.

Подводя итог, можно отметить, что изучение способов создания неофициальных номинаций городских объектов является интереснейшим объектом лингвистического исследования, позволяющим увидеть «номинативную» специфику Красноярска и охарактеризовать ценностные приоритеты горожан при выборе неофициального варианта названия.

Список литературы

1. Волынец Т. Н. Современный русский язык. Способы словообразования: учеб. пособие для вузов. Минск: БГУ, 2003. 30 с.
2. Клименко Е. Н. Неофициальная ономастика современного города (на примере города Екатеринбурга) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 9. Вып. 6. С. 6–8.
3. Подберезкина, Л. З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения : научно-методич. бюл. / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск - Ачинск: Красноярский государственный университет, 1998. С. 22–30.
4. Шмелева Т. В. Ономастика: учеб. пособие для студ. вузов. Славянск-на-Кубани: КубГУ, 2013. 161 с.

**ТИПЫ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧИТЕЛЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА)****Мануилова А.Е.****научный руководитель канд. филол. наук, доц. Подберезкина Л.З.***Сибирский федеральный университет*

Речевое поведение человека, как отмечает Т.Г. Винокур, «это не столько часть поведения вообще, сколько образ человека, состоящий из способов использования им языка применительно к реальным обстоятельствам его жизни...» [1]. Один из компонентов, с помощью которых создается данный образ, является речевая культура, под которой понимается «такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [2].

В отечественной лингвистике широкое распространение получила теория типов речевой культуры, разработанная О.Б. Сиротининой. Согласно этой теории в рамках литературного языка выделяются элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный и фамильярно-разговорный тип культуры общения [4]. Данные типы рассматриваются лингвистом с позиции «хорошей» речи, представление о которой исторически изменчиво и варьируется в зависимости от социальной, а иногда и от территориальной принадлежности человека, но обязательно включает такие аспекты, как целесообразность, успешность речи, соответствие нормам литературного языка и выбранного функционального стиля.

Речевая культура является важной частью образа школьного учителя: речь преподавателя выступает в качестве основного средства передачи знаний, а также служит образцом речевого поведения не только для школьников, но и для всех окружающих. Указанные факторы обуславливают актуальность нашего исследования, цель которого - на материале рассказов А.П. Чехова выявить типы речевой культуры учителя и проанализировать их соответствие постулатам «хорошей» речи. На современном этапе реформирования системы образования к речевым компетенциям педагога предъявляются новые требования, поэтому проведенный анализ может способствовать осмыслению и выявлению нарушений в его речевой деятельности. Научная новизна работы определяется тем, что речевая культура, нашедшая отражение в художественных образах учителей А.П. Чехова, не изучалась ранее в рамках лингвистики. Различные аспекты речевого поведения учителя в прозе А.П. Чехова рассматривались нами ранее [об этом подробнее см.: 5,6,7].

По мнению О.Б. Сиротининой, носители элитарного типа речевой культуры, соблюдающие все нормы литературного языка, этические и коммуникационные правила, представляют эталон «хорошей» речи [4]. Данный тип речевой культуры в произведениях А.П. Чехова представлен, например, в образе профессора Николая Степановича в рассказе «Скучная история». Он не только соблюдает нормы литературного языка, но также обладает функционально-стилевой грамотностью. Так, в рамках учебного занятия он использует научный стиль (научно-учебный подстиль) [об этом подробнее см.: 6], а в неофициальной бытовой ситуации переходит на разговорный: появляется разговорная лексика («*дурной*», «*вздор*», «*бывало*», «*чудачка*»), актуальное членение предложения, при котором рема перемещается в начало фразы («*Не поеду я в Харьков*», «*Сама ты виновата*», «*Все у нас там благополучно?*»). Помимо этого, у профессора выработан навык самоконтроля, для него

характерна постоянная рефлексия над своей речевой и профессиональной деятельностью: *«Каждую минуту я должен иметь ловкость выхватывать из этого громадного материала самое важное и нужное и так же быстро, как течет моя речь, облекать свою мысль в такую форму, которая была бы доступна разумению гидры и возбуждала бы ее внимание...я стараюсь, чтобы речь моя была литературна, определения кратки и точны, фраза возможно проста и красива. Каждую минуту я должен осаживать себя и помнить, что в моем распоряжении имеются только час и сорок минут».* Для Николая Степановича как представителя элитарного типа речевой культуры в качестве прецедентных текстов, которые являются элементом культурной памяти народа и используются личностью для создания собственных текстов, выступают произведения классической художественной литературы: *«полюбил за хороший, ясный ум, за чистую душу, красоту и, как Отелло Дездемону...», «старается читать простой, обыкновенный монолог «Быть или не быть» не просто, а почему-то непременно с шипением и с судорогами во всем теле», «когда он старается убедить меня во что бы то ни стало, что Чацкий...», «Орлам случается и ниже кур спускаться,/Но курам никогда до облак не подняться...» (И.А. Крылов «Орел и куры»).* В лексиконе главного героя рассказа «Скучная история» используются наименования реалий мировой и национальной культуры («Познай самого себя» (храм Аполлона в Дельфах), «амфитеатр», «эпопея», «Гекуба», «партитура», «Геркулес», «страшный суд» и др.), различные средства выразительности («Лицо ее бледно, строго и фантастично от луны, как мраморное...»), фразеологизмы («ломовой конь», «на эту удочку не поймаешь», «из глаз сыплются искры»). Николай Степанович проявляет уважение к своему собеседнику, соблюдая этические нормы общения («извините, мой друг», «доброго здоровья», «очень рад быть полезным, коллега», «извините за неделикатность»). Перечисленные особенности являются отличительными чертами «хорошей» речи носителя элитарного типа культура общения. Таким образом, Николай Степанович является скорее исключением из общего правила, т.к. в рассказах А.П. Чехова преподаватели характеризуются преимущественно «разговорным» типом речевой культуры, в котором выделяются фамильярно-разговорный и литературно-разговорный подтипы. Рассмотрим их на примере рассказов «Клевета» и «В пансионе».

Так, в первом рассказе учитель чистописания Сергей Капитоныч Ахинеев демонстрирует фамильярно-разговорный тип, основным признаком которого является владение носителем только одной функциональной разновидностью литературного языка, а именно системой разговорной речи. Морфологически система разговорной речи Ахинеева отличается выраженными чертами аналитизма, что подтверждает использование неизменяемых знаменательных слов и служебных частей речи, см. напр.: междометно-глагольные слова («чмок»), предикативы-оценки («ах», «воо!»), междометия («хе-хе-хе», «а-а-а», «ну-кася»), частицы («вон», «как», «пусть», тово (прост.), «покажи-ка, «запах-то»). В синтаксисе одной из наиболее показательных тенденций является вынесение в препозицию фразы важного компонента: «На весь город осрамит, скотина», «Вы, я знаю, рыбу любите», «Вхожу, это, я в кухню». В лексико-стилевом отношении любой разговорный текст неоднороден. В неофициальной речи главного героя присутствуют слова, имеющие ярко выраженный разговорный оттенок («ахнул», «этакий», «батенька», «насплетничает», «осрамит», «суций анекдот»), сниженная лексика («рожса», «скотина», «дурак»), просторечие («оглядеть», «тово»), устаревшие слова («свет» (в знач. «люди, общество»), «кушанье») и т.п. В рассказе Сергей Капитоныч представлен в бытовой ситуации - ужин в честь свадьбы его дочери. Среди его гостей много преподавателей и

официальных лиц, поэтому он старается показать свою важность, начитанность, употребляя в своей речи слова из научной сферы. Однако недостаточное владение научным стилем и незнание лексических значений употребляемых им слов приводит к комическому эффекту. Например: «*Запах-то какой, миазма какая!*» (*миазм - устаревший медицинский термин, обозначающий «ядовитые испарения, газы с дурным запахом, образующиеся от гниения»*). С этим связаны и нарушения лексической сочетаемости слов. Например: «*это я тово... губами чмокнул в отношении... в рассуждении удовольствия...*». Несоблюдение этических речевых норм проявляется в фамильярно-грубых обращениях Ахинеева к своим близким и гостям («баба», «чудачина», «разбойник», «мерзавец») и в отсутствии этикетной формулы извинения в ситуации, когда она необходима («*Подлец ты!... За что ты меня перед всем светом в грязи выпачкал? За что ты на меня клевету пустил?... А кто наслетничал, будто я с Марфой целовался? Не ты, скажешь? Не ты, разбойник? (виновник ситуации сам Ахинеев - А.М.)*»). О.Б. Сиротина отмечает, что хорошая речь человека с фамильярно-разговорным типом может ничем не отличаться от речи в этих же ситуациях носителей элитарного или среднелитературного типа, т.е. соответствовать всем нормам [4]. Однако использованием Ахинеевым бранной, сниженной лексики, нарушения языковых и этических норм свидетельствуют о несоответствии речи учителя постулатам «хорошей» речи.

Для литературно-разговорного типа речевой культуры так же, как и для фамильярно-разговорного, характерно использование одного функционального стиля речи. Их главное различие заключается в том, что реализация фамильярно-разговорного типа возможна только в кругу близких людей, в то время как второй может проявиться в любой повседневной коммуникации. Пример литературно-разговорного типа речевой культуры представлен в диалоге учителя математики Дырявина и руководителя пансиона Бьянки Ивановны Жевузем в рассказе «В пансионе». Коллеги в разговоре широко употребляют обиходно-бытовую лексику («вчера», «красота», «концерт», «лицо», «женщина»), профессиональную («алгебра», «урок», «старший класс») и разговорную («кислятина», «гляжу», «пострел», «чует» (в знач. «интуитивно чувствовать, предполагать»), «ну», «нынче»). Словообразовательные особенности разговорной речи преподавателей характеризуются наличием суффиксов субъективной оценки («Жевезушку», «хорошенькая», «картинка», «маленькими»). Речь Жевузем и Дырявина богата экспрессивно окрашенными устойчивыми выражениями («рожа на роже, кривуля на кривуле», «пойдет к чёрту», «хоть убейте» (в знач. «совсем, абсолютно, совершенно»), разного рода служебными словами («вот», «же», «неужели», «ведь», «ох»), на уровне синтаксиса - повторами слов («значит, вы не всматривались в неё... Вы всмотритесь, да тогда и говорите...»), «Где? Покажите мне: где?» и др.). Как правило, для носителей разговорных типов характерна погоня за «языковой модой», для того, чтобы продемонстрировать высокий уровень знаний. Однако часто это вызывает обратный эффект [4]. В данном рассказе учитель математики использует фразу-имитацию французской речи «кель-выражанс» («Извините меня за эти кель-выражансы, но я искренно вам говорю»), которая обозначает «неприличное высказывание, выражение негодования из-за грубости собеседника» и образована от франц. «*quel*» - какой и основы слова «выражать» + иноязычный суффикс «анс». Подобное высказывание звучит в устах преподавателя комично, демонстрирует низкий уровень его образованности. Использование в речи Дырявина сниженной лексики («трясогузка» (в знач. «о вертлявой девочке или женщине»), «харя», «болван») противоречит этическим нормам речи «хорошей» речи.

М.Я. Дымарский в своих работах ставит вопрос о необходимости конкретизации и субкатегоризации данных типов речевой культуры, а также о преимуществах использования термина «речевая манера». По мнению лингвиста, «если тип речевой культуры определяется факторами преимущественно внешнего, по отношению к личности, характера (например, образование, доминирующая речевая среда и т.п.), то речевая манера определяется преимущественно внутренними факторами: темперамент, особенности воспитания и характера, доминирующее настроение индивида, его мировоззрение...» [3]. М.Я. Дымарский выделяет два базовых типа речевой манеры: моностилевой и полистилевой. Рассмотренные нами типы речевой культуры учителя соотносимы с данной классификацией. Так, Николай Степанович с элитарным типом культуры общения представляет моностилевой тип речевой манеры, т.к. его «психическая энергия» в процессе речевого поведения распределена равномерно по двум направлениям: вовне (на собеседника) и внутрь (самоконтроль, рефлексия). Фамильярно-разговорный и литературно-разговорный типы речевой коммуникации соответствуют полистилевой речевой манере, при которой психическая энергия направлена вовне, самоконтроль ослаблен.

Таким образом, учителя в произведениях А.П. Чехова преимущественно являются носителями фамильярно-разговорного типа речевой культуры, что связано с общей сатирической направленностью творчества автора, а также с преимущественно бытовыми ситуациями общения героев. При этом их речь не соответствует параметрам «хорошей» речи О.Б. Сиротининой: нарушаются языковые и этические нормы коммуникации (сниженная, бранная лексика, отсутствие этикетных формул), неэффективно используются другие функциональные стили речи, и ведется нецелесообразная погоня за «языковой модой», которая приводит к выраженному комическому эффекту.

Список литературы

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
2. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. 441 с.
3. Дымарский М.Я. Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2006. С. 173-186.
4. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Хорошая речь. Изд. 2-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 320с.
5. Мануилова А.Е. Педагогические речевые стратегии в речевом поведении учителя (на материале художественной прозы А.П.Чехова) // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по материалам XXX студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. М.: «МЦНО», 2016, № 1 (29).
6. Мануилова А.Е. Стиль педагогического общения как проявление профессиональной компетентности учителя (на материале рассказа А.П. Чехова «Скучная история») // Siberia Lingua. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015, № 2. С.42-51
7. Мануилова А.Е., Подберезкина Л.З. Средства создания образа учителя в рассказе А.П.Чехова «Человек в футляре»// Основные проблемы гуманитарных наук. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Волгоград, 2015. Выпуск №2. С.59-61.

**ОРФОГРАФОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МИФ
В ОБЫДЕННОМ МЕТАЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ)**

Милина А. А.

научный руководитель канд. филол. наук А. Н. Сперанская
Сибирский федеральный университет

В работе рассмотрены проявления метаязыкового сознания, которые транслируются в интернет-комментариях. Объект данного исследования – содержание лингвистического мифа о русском языке. Материал для анализа – высказывания участников публичной страницы «Я люблю русский язык!» (1 088 413 человек) Социальной сети «ВКонтакте». Запечатленные на фотографиях различные нарушения языковой нормы (образца) вызывают метаязыковую рефлексию разного уровня проявленности: от эмоциональной реакции (например, негодование, транслируемое междометиями) до развернутых лингвистических комментариев. Перед нами – «массовые эмпирические знания и представления, полученные в результате практически-духовного освоения действительности» [1: 68].

Цель работы – реализация одного из проявлений обыденного метаязыкового сознания, а именно орфографоцентрического лингвистического мифа. Актуальность работы заключается в том, что данное исследование – вклад в развитие нового лингвистического направления «теория обыденной лингвистики» в рамках метода реконструкции метаязыковых представлений. Также работа имеет общекультурную значимость, так как иллюстрирует представления о языке рядовых носителей языка в современности.

Термин «теория обыденной лингвистики» представляется наиболее удачным, так как позволяет провести границу между научным объектом и названием новой лингвистической дисциплины. «Под обыденной (естественной, стихийной, наивной) лингвистикой понимается совокупность (система) обыденных знаний, представлений, суждений о языке и соответствующих лингвистических «технологий». Субъектом обыденной лингвистики является «стихийный (наивный лингвист)» – то есть носитель языка, не занимающийся профессионально лингвистикой. Научно-лингвистическую деятельность, направленную на изучение феномена обыденной лингвистики, мы называем теорией обыденной лингвистики». [5: 42]. М.Р. Шумариной была сделана попытка классификации методов молодого научного направления: интерпретационный анализ, комментирование и обобщение метаязыковых высказываний, статистическая обработка эмпирических данных, семантический и семантико-когнитивный метод, лексикографическое описание «метапоказателей» и метаязыковых комментариев, теоретико-лингвистический и лингвофилософский анализ метаязыковых аспектов языка, речи, личности реконструкция невербализованных метаязыковых представлений, стереотипов. «Основным поставщиком» языковых фактов для изучения обыденного метаязыкового сознания является метаязыковая рефлексия – «отражение в речи знания, представления, суждений о языке» [4: 182]

Ученые, работающие в рамках обыденной лингвистики, большое значение придают категории осознанности / неосознанности метаязыковой рефлексии. Несколько степеней участия сознания в метаязыковой рефлексии Н.Д. Голев и В.Б. Кашкин называют «шагами гносеологичности» и выделяют семь ступеней, самая высокая из которых – развернутые профессиональные лингвистические комментарии. М.Р. Шумарина выделяет три уровня метаязыкового сознания – от степени полного

автоматизма метаязыковой деятельности до степени включенности всех ресурсов сознания. Первый уровень – подсознательный (бессознательный). Рефлексия здесь представлена в «свернутом» виде («нерефлектирующая рефлексия»), она заключена в семантике языковых единиц и правилах их использования, составляющих содержание языкового сознания (бессознательный речевой самоконтроль). Второй уровень метаязыкового сознания связан с выведением метаязыковой операции в «светлое поле» сознания и с возможностями вербализации рефлексии. Для этой степени включенности характерна стандартизованность – форма выхода наружу обыденного метаязыкового сознания. «Метаязыковое творчество» рождается на третьем, более высоком уровне осознанности, предполагающем более глубокое осмысление и творческую интерпретацию фактов языка / речи. Здесь происходит нестандартное, личностно окрашенное комментирование языка / речи и языковая игра в различных жанрах и стилях [5: 60].

Особый интерес представляет явление *лингвистического мифа*, или *легенды* – массового представления о языке, взятого за аксиому в любых металингвистических рассуждениях рядового носителя языка, то есть нелингвиста. «Лингвистический миф, являясь совокупностью обыденных представлений о языке, может быть представлен в виде отдельных суждений (эксплицитных или присутствующих в виде импликаций. Эти суждения далеко не всегда основаны на вымысле, но они всегда представляют особое некое упрощение реального положения дел, абсолютизацию одного из свойств объекта с понятием стереотипа» [5: 161]. Эта лингвистическая реальность имеет чаще всего достаточно сложную структуру и включает в себя отдельные устойчивые «мотивы» обыденного метаязыкового – стереотипы. Существуют мифы простой структуры, состоящие из одного стереотипа.

Одной из самых фундаментальных металингвистических легенд обыденного сознания является представление о том, что знание языка – это умение правильно писать. Метаязыковые представления рядового носителя языка сводятся к постулату «русский язык – это набор правил, прежде всего орфографических», «знать русский язык – это значит правильно писать». Н.Д. Голев называет это металингвистическое представление «орфографоцентризмом обыденного метаязыкового сознания носителей современного русского языка» и считает истоком формирования этого мифа лингводидактическое устройство школьной программы [2: 100].

Далее в статье сделана попытка выявления основных мотивов указанного лингвистического мифа, его живую реализацию в интернет-комментариях – сфере наиболее благоприятной для выражения метаязыковой рефлексии обыденного сознания. На основании проанализированного материала публичной страницы «Я люблю русский язык!» можно утверждать, что миф о русском языке, главенствующую роль в котором играет орфография, проявляет себя в следующих мотивах.

Стереотип о неграмотном человеке занимает важное место в структуре орфографоцентрического мифа. Данный стереотип реконструируется путем нахождения ключевых идей, в совокупности составляющих образ человека, не умеющего писать, с низким уровнем образования, неразвитым интеллектом и т. д. Различные метаоператоры формально маркируют элементы рассматриваемой металингвистической мифа. Например, *Спорю, что филологического образования у нее точно нет и не будет*); метепоказатель в данном примере – металингвистический книжный термин.

Также пользователи Социальной сети высказывают оценочные суждения о неграмотном человеке разной степени экспрессивности: *Живут же такие мозголомы. С первого раза ну никак не понять...* Доминирующей частью стереотипа является

авторитет школьного обучения: *В школе просто не учился. Так и остался всю жизнь шиномонтажником.*

Стоит отметить, что **образ общеобразовательной школы** в обыденных представлениях участников группы является центральным, так как именно школа – источник воспитания грамотности, «основатель» метаязыкового сознания любого человека, родившегося в России. Только тогда, когда носитель языка добросовестно пройдет все ступени школьного образования, он сможет писать правильно. Например, *Ну не судите строго. Это наверняка писал ученик начальной школы. Все такими были)))* или: *Математика, видимо, тоже хромает... Далеко от школы девочка живет)))*.

Еще один ключевой мотив сюжета о «русский язык – это набор правил, прежде всего орфографических» – неизбежность категории нормы и культ правильности написания, запечатленных в обыденном сознании вместе с учительской оценкой. Метаязыковая рефлексия в исследуемом контексте представляет собой реакцию на текст-объект с ошибкой и реализует одну из коммуникативных ролей комментирующих – «обыденного учителя», «орфографического судьи». Цель этого коммуникатора-рефлектора – эксплицитно или имплицитно оценить, прежде всего, правильность–неправильность текста, и только после этого он может развернуть свои рассуждения в любом направлении и в рамках любой метаязыковой микротемы.

Примеры: *Сергей, нет, ошибка не в этом. **Правильно** – удочерили* – поиск ошибки и манифестация правильного варианта.

*Хоть фамилия Президента Украины написана **правильно**)) Пусть он и "дыбил".* В примере видна непосредственная констатация правильности.

Часто в интернет-комментариях встречается ироническая интерпретация школьных правил:

*коли как правильно не знаешь
так лучше вовсе не пиши
вот я из школы точно помню
жи ши*

М.Р. Шумарина в работе «Язык в зеркале художественного текста...» представляет типологию лингвистических мифов следующим образом: 1. «Лингвофилософские» (сущностные представления о языке). 2. «Практические» – мифы-инструкции, вопросы использования языка: а). ортологические (как правильно), б). лексикографические (все словари нормативные), в). лингводидактические (владеть языком – это правильно писать), г). металингвистические (лингвисты – языковые пуристы) [5: 165].

Однако наш анализ метаязыкового материала показал, что феномен «орфографоцентризма» в обыденном сознании является основой большинства суждений о языке и может классифицироваться и как «лингвофилософский» лингвистический миф, и как лингводидактический.

Рассматриваемые интернет-комментарии – это печатная речевая материя, которая рождается под лозунгом «Я люблю русский язык!». Печатная фактура интернет-существования сообщества обуславливает сдвиг метаязыковых рассуждений в сторону орфографии. И поэтому манифестация метаязыковых представлений в виде реакции на нарушение нормы орфографоцентрична по своему происхождению.

Таким образом, орфографоцентрический лингвистический миф в условиях высокой концентрации метаязыковости (так как сообщество организовано на метаязыковую тему) проявляется в доминантных образах / мотивах / стереотипах, сформированных в обыденном сознании в результате длительного школьного метаязыкового воспитания. Именно поэтому наиболее частотными эксплицируемыми

«мотивами» мифа являются представления о школе как об основном источнике знаний о языке, убеждение в том, что орфографическая грамотность – показатель развития ума и мистическая идея единственности, то есть культа орфографической нормы, не допускающей вариативности.

Список литературы

1. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА\$ПРЕСС, 2005. 384 с.
2. Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии . Издательство: Едиториал УРСС, 2004. 160 с.
3. Публичная страница «Я люблю русский язык!» [электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/love_russian_language.
4. Ростова А.Н. Обыденная метаязыковая деятельность в повседневной коммуникации // Антропотекст–1.Томск, 2006. С.182 – 191.
5. Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. М.: Флинта: Наука, 2001. 328 с.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

Ульчугашева Е.Г.

научный руководитель ст. преподаватель Майорова Г.Г.

*Лесосибирский педагогический институт –
филиал Сибирского Федерального университета*

В современном обществе остро стоит проблема загрязнения окружающей среды. Школа, являясь одним из главных социальных институтов, должна уделять огромное внимание экологическому образованию будущего поколения, задачей учителей и педагогов должно стать повышение экологической грамотности младших школьников, вооружение их навыками экономного, бережного использования природных ресурсов. Эта проблема является предметом исследования большого количества ученых и педагогов-практиков (А.Н. Бирюкова, Г.А. Попуткова, Е.В. Муравьева, И.Ф. Харина, М.А. Вячеславовна, Н.Е. Пермякова, О.А. Сычева, О.Л. Носкова, Т.А. Шаляпина, и др.). Авторы подчеркивают, что природоохранное образование в нашей стране включено как обязательный элемент во все ступени общего образования. Оно направлено на то, чтобы дать основы экологических знаний, обернуть их в практические навыки природопользования, заложить творческий интерес к познанию природы, сформировать нравственное и эстетическое к ней отношение. Устанавливается оно в курсе природоведения, а затем продолжается при изучении целого комплекса учебных предметов, таких, как биология, химия, география, экология и т. д. [2, с. 23]. Особое внимание экологическому образованию отводится в начальной школе. Начальная школа - важнейший этап в становлении научно-познавательных, эмоционально-нравственных, практически-деятельностных отношений младших школьников к окружающей среде и своему здоровью на основе единства чувственного и рационального познания природного и социального окружения человека. Учащимся младшего школьного возраста свойственно уникальное единство знаний и переживаний, которые позволяют говорить о возможности формирования у них надежных основ ответственного отношения к природе. Экологическое образование в начальной школе можно представить как практическую связь с природой, воспитание добрых чувств и как воспитание экологического мышления. Вот поэтому экологическое образование должно начинаться с самого раннего детства. Дети особенно восприимчивы к добру, любознательны. Именно в эту пору следует закладывать нравственные основы, развивать чувство прекрасного, умение видеть красоту природы. Очень важно, чтобы в этом возрасте рядом с ребенком находился умный грамотный наставник, способный развить в нем начала экологической культуры. Особая значимость и эмоциональность младших школьников создают предпосылки для появления интереса к самому себе, к людям, к своему здоровью, к состоянию природной и социальной среды, которая является непременным условием эффективности экологического образования на этом возрастном этапе [2, с. 17].

Главная задача экологического образования младших школьников - формирование у них начал экологической культуры, ответственного отношения к природе, понимания неразрывной связи человеческого общества и природы, включающего систему экологических знаний, умений, навыков, мышления [1, с. 3]. Все учебные предметы начальной школы призваны вносить свой вклад в формирование экологических понятий у младших школьников. Конечная цель экологического образования - ответственное отношение к окружающей среде.

У младших школьников на этой основе может быть сформировано понимание о природе как взаимосвязанной и чувствительной к вмешательству человека целостности; нравственные установки последствия нанесения ущерба природным ценностям. В курсе начальной школы это связано с изучением экосистем как природных сообществ. Самое знакомое сообщество для учащихся нашего региона - Лес. Именно лес служит тем типичным образцом, который в большей мере близок детям и изучая который они откроют для себя важные природные закономерности. Главные дидактические задачи: показать и объяснить детям, что лес не хаотический набор живых организмов, а упорядоченная с многочисленными внутренними связями система [1, с. 21].

Рассмотрев знакомое сообщество в качестве образца, изучив необходимые связи и закономерности можно переходить к изучению других, малоизвестных детям сообществ, сравнивая их с образцом и отыскивая в них уже изученные закономерности. Желательно провести две линии сравнения: во первых, различных естественных и аналогичных антропогенных (лес - сад, луг - поле). Это позволит глубже раскрыть существенные признаки сообществ, наглядно показать последствия антропогенного влияния. Последнее особенно важно потому что, практически всеми программами предусматривается знакомство с другими сообществами и необходимо выявить и четко обозначить общие признаки, которые позволяют называть одинаково, а значит - относить к одной группе явлений такие не похожие друг на друга образования, как лес, луг водоем, поле. Основными понятиями, необходимыми для раскрытия главной идеи, являются: биологический вид, условия существования, среда обитания, межвидовые связи, пищевые связи, пищевые цепи, природное равновесие. Необходимые термины: лес, среда обитания, видовое разнообразие, конкуренция, растительные ярусы, светолюбивые, теневыносливые, тенелюбивые растения, крона деревьев, подрост, лесная подстилка [3, с. 11].

Для усвоения основных понятий дети должны иметь необходимые базовые знания. В данной теме к ним относятся: биологический вид; классификация организмов на бактерии, грибы, растения животные основные особенности перечисленных групп; типичные лесные растения, животные и грибы, влияние растений и животных на среду обитания; сравнительная характеристика роли растительных, животных, грибных и микроорганизмов жизни леса; что такое круговорот веществ и его значение в природе [4, с. 32]. Внимательное изучение программ и учебников показывает, что все перечисленные знания с большей или меньшей степенью детализации дети получают в процессе обучения с I по IV класс, а значит, их можно опираться можно изменять аспект рассмотрения.

Это - суперзадача всей серии уроков о сообществах, и мы сможем считать ее решенной, если дети в итоге поймут наличие общности, смогут ее осознанно трактовать и на этой основе сравнивать различные природные сообщества между собой.

Список литературы

1. Дерим-Оглу, Е. Н., Томилина, Н. Г. Материалы к проведению экскурсии в смешанный лес. Журнал. Начальная школа. 1990. № 5. 43 с.
2. Егоренков, Л. И. Экологическое воспитание дошкольников и младших школьников. Москва: АРКТИ, 2000. 128 с.
3. Жестова, Н. С. Проведение экскурсии в лес. Журнал. Начальная школа. 1991. № 7. 34 с.
4. Степанова, С. В. Самые сложные темы начального образования. Журнал. Начальная школа 2005. № 8. 43 с.

